

УДК 159.964

ФЕНОМЕН ИДИОПАТИЧЕСКОГО БЕСПЛОДИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бородин Максим Юрьевич

*Аспирант, Федеральный исследовательский центр «Красноярский
научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»,
г. Красноярск, Россия,*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6084-863X>, e-mail: borodinm.y@mail.ru

Нелюбин Николай Иванович

*Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры практической
психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический
университет», г. Омск, Россия,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>,

e-mail: nelubin2001@yandex.ru

Аннотация

Введение: проблема женского бесплодия имеет не только медицинские, но и глубокие психологические, социокультурные и архетипические корни, которые требуют комплексного междисциплинарного анализа. Целью настоящей работы является теоретический анализ социокультурного и архетипического контекстов отношения к женскому бесплодию, а также обоснование феномена психогенного бесплодия как формы телесной символизации внутриличностного конфликта. **Материалы и методы:** проведен теоретико-методологический анализ литературы, интегрирующий культурно-исторический подход (Л.С. Выготский), психоаналитическую традицию (К. Хорни, З. Фрейд), аналитическую психологию (К.Г. Юнг), семиотический подход (Ю.М. Лотман) и концепции биополитики и телесности (М. Фуко, А.Ш. Тхостов). **Результаты:** показано, что исторически во многих культурах материнство выступало как жесткая социальная норма, а бездетность подвергалась стигматизации. Амбивалентность архетипа Матери, включающего созидательный и деструктивный полюса, в условиях нормативного давления может порождать у женщины бессознательное сопротивление материнской роли. Выявлен специфический внутриличностный конфликт между стремлением к автономии и зависимостью, характерный для современной женской идентичности. Обосновано, что психогенное бесплодие может выступать как телесный симптом, символизирующий и временно стабилизирующий этот конфликт. Женское тело рассмотрено как «культурный текст», на котором фиксируются доминирующие социальные коды, а репродуктивная функция проанализирована в логике дисциплинарных и биополитических механизмов контроля. **Выводы:** интеграция психологического знания в медицинскую практику лечения идиопатического бесплодия требует перехода от сугубо физиологических моделей к холистическому пониманию этого феномена, поскольку репродуктивный опыт женщины опосредован сложным взаимодействием телесных, культурных, семиотических и индивидуально-психологических факторов.

Ключевые слова: психогенное бесплодие, архетип, идентичность, внутриличностный конфликт, телесность, текст, семиосфера.

THE PHENOMENON OF IDIOPATHIC INFERTILITY: APPROACHES TO STUDY AND PROSPECTS FOR INTEGRATION IN MODERN PSYCHOLOGY

Maxim Yu. Borodin

*Postgraduate Student, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences", Krasnoyarsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6084-863X>, e-mail: borodinm.y@mail.ru*

Nikolay I. Nelyubin

*Doctor of Psychological Sciences, Docent, Professor of the Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>
e-mail: nelubin2001@yandex.ru*

Abstract

Introduction: the problem of female infertility has not only medical but also deep psychological, sociocultural, and archetypal roots, which require a comprehensive interdisciplinary analysis. Aimsthis paper theoretically analyzes the sociocultural and archetypal contexts of attitudes toward female infertility, and substantiates the phenomenon of psychogenic infertility as a form of bodily symbolization of an intrapersonal conflict. **Materials and methods:** a theoretical and methodological analysis of the literature was conducted, integrating the cultural-historical approach (L.S. Vygotsky), psychoanalytic tradition (K. Horney, S. Freud), analytical psychology (C.G. Jung), semiotic approach (Yu.M. Lotman), and concepts of biopolitics and corporeality (M. Foucault, A.Sh. Tkhostov). **Results:** it is shown that, historically, motherhood in many cultures served as a rigid social norm, while childlessness was subject to stigmatization. The ambivalence of the Mother archetype, which includes both creative and destructive poles, can, under conditions of normative pressure, generate unconscious resistance to the maternal role. A specific intrapersonal conflict between the striving for autonomy and dependence, characteristic of modern female identity, is revealed. It is substantiated that psychogenic infertility can act as a bodily symptom, symbolizing and temporarily stabilizing this conflict. The female body is examined as a "cultural text" on which dominant social codes are fixed, and reproductive function is analyzed through the logic of disciplinary and biopolitical control mechanisms. **Conclusions:** integrating psychological knowledge into medical practice for infertility treatment requires a shift from purely physiological models to a holistic understanding of the woman as a subject whose reproductive experience is mediated by the complex interplay of cultural, semiotic, and individual psychological factors.

Keywords: psychogenicinfertility, archetype, identity, intrapersonal conflict, physicality, text, semiosphere.

Введение

Понимание феномена материнства в современной психологии опирается на несколько основных подходов. Его можно рассматривать в рамках природно-

биологического подхода – как проявление врожденной предрасположенности женщины к определенным поведенческим стратегиям, нередко описываемым через понятие материнского инстинкта. В данном контексте материнское поведение рассматривается как активность, направленная на обеспечение условий, необходимых для физического и психического развития ребенка [23; 28]. Материнство исследуется в рамках функционально-личностного подхода как значимый компонент личностной структуры женщины, включающий систему ценностей, установок и индивидуальных способов переживания материнского опыта [2]. Оно может быть осмыслено в рамках культурно-исторического подхода, и тогда в фокусе внимания оказывается процесс интериоризации социальной роли женщины и идеальной формы матери, содержание которых обуславливается системой культурных норм и общественных ожиданий.

Проблема женского бесплодия традиционно рассматривалась преимущественно в рамках медицины, где основное внимание уделялось органическим, эндокринным и репродуктивным нарушениям. Однако в последние десятилетия исследовательский интерес все чаще смещается в сторону изучения психологических и социальных факторов, сопровождающих нарушение репродуктивной функции. В зарубежной психологии активно развивается направление, сосредоточенное на изучении психосоциальных последствий бесплодия, среди которых наиболее часто выделяются повышенный уровень тревоги, депрессии, социальной стигматизации и снижение качества жизни женщин [24]. Выявлено, что женщины с бесплодием демонстрируют более высокие показатели алекситимии, эмоционального дистресса и соматизации тревоги по сравнению с фертильными женщинами [16].

В отечественной психологии проблема бесплодия изучается преимущественно в рамках психологии репродуктивной сферы. Так, в работах Т.В. Брутман, М.С. Родионовой, Г.Г. Филипповой репродуктивные нарушения рассматриваются через призму особенностей репродуктивной установки,

формирования материнской сферы и готовности к принятию материнской роли [1; 2; 17]. В ряде современных исследований психогенное бесплодие интерпретируется как проявление бессознательных конфликтов, связанных с материнством, женской идентичностью и семейными отношениями [11; 14]. Важным психотехническим направлением исследований является изучение эффективности недирективной психологической помощи женщинам с идиопатическим бесплодием [5].

Существуют работы, в которых довольно убедительно отстаивается идея социокультурной обусловленности феномена материнства, его зависимости от дискурсивных практик и социальных представлений (Вишневский, 1977; Мицюк, 2014; Badinter, 2012) [3; 10; 22]. В частности, Н.А. Мицюк показала, что в российском обществе начала XX века происходило активное конструирование модели «идеального материнства», в рамках которой материнская роль становилась объектом экспертного знания и социального регулирования, а соответствие данной модели рассматривалось как критерий социальной нормальности [10]. Отдельное направление исследований связано с реконструкцией субъективной картины материнства как психологического и социокультурного конструкта [6; 8; 12]. Согласно данным А.А. Реана, образ матери занимает центральное место в системе социальных представлений личности и характеризуется преимущественно позитивным содержанием независимо от социально-демографических характеристик респондентов [12].

В относительно недавних исследованиях (Куликов, Малёнова, Потапова, 2020; Камзина, 2022) показано, что представления о «материнстве», об «идеальной» матери формируются под влиянием культурных норм и традиций, социальных представлений о личностной успешности, а также индивидуального опыта женщины, включая особенности отношений с собственной матерью [6; 8].

Мы полагаем, что при кажущейся первичности биологической основы материнства культурно-исторический и надперсональный контексты обуславливают все многообразие индивидуальных проявлений материнского

отношения и способов реализации материнской роли. В данной работе планируется сделать аналитической фигурой культурно-исторический взгляд на феномен материнства, который, как нам видится, хорошо интегрируется с психоаналитической традицией. Это позволит вскрыть неявные культурно-семиотические особенности социального восприятия женского бесплодия и отношения к нему, рассмотреть роль семиотических и архетипических факторов в опосредовании общей клинико-феноменологической картины данного явления. Хотя в аналитической психологии внимание уделяется символическому содержанию архетипа Матери и его роли в формировании женской идентичности (Рейнгольд, 2017; Jung, 1997), однако комплексных исследований, объединяющих архетипический, социокультурный и индивидуально-психологический уровни анализа отношения женщины к бесплодию, в доступной литературе практически не представлено [13; 27].

Цель настоящей работы заключается в обосновании комплексного аналитического взгляда на феномены материнства и женского бесплодия путем совмещения психоаналитического, культурно-исторического и семиотического контекстов их понимания. Это позволит по-новому осмыслить феномен психогенного бесплодия – как форму телесной символизации глубинного внутреннего конфликта женщины, обусловленного переживанием базисных архетипических образов, противоречивых социальных требований и идеальных моделей социальной идентичности.

Материалы и методы

В качестве материала для обзорно-аналитического исследования послужили теоретические работы и эмпирические данные, раскрывающие многоаспектность феномена материнства и телесности. Были проанализированы классические труды по психоанализу (К. Хорни, З. Фрейд), аналитической психологии (К.Г. Юнг), культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский, А.Ш. Тхостов), семиотике культуры (Ю.М. Лотман), биополитике (М. Фуко) и современные исследования в области психологии репродуктивного здоровья.

Методы исследования включали теоретико-методологический анализ, сравнительно-исторический анализ, концептуальный синтез и герменевтическую интерпретацию текстов, позволяющие реконструировать социокультурный контекст и выявить неявные архетипические основания отношения к женскому бесплодию.

Результаты и их обсуждение

Издавна фертильность ассоциировалась с благополучием семей и общины в целом, поэтому бесплодие интерпретировалось как личное упущение, непосредственно связанное с нравственным обликом самой женщины. Женщина, не способная родить ребенка, оказывалась объектом жестокой критики, унижения и нередко испытывала физическое насилие со стороны мужа и окружающих ее людей. Народные поговорки ярко иллюстрируют этот феномен, создавая образ дома без наследников как символического выражения человеческого одиночества и беспомощности перед лицом смерти («Живешь – не с кем слово сказать, умираешь – некому слезы пролить») или женской несостоятельности («Женщина без ребят – пустая бочка с тряпками»).

Анализируя культурно-исторический контекст отношения к материнству и бесплодию, мы неизбежно сталкиваемся с социально значимым образом женской фигуры. Этот образ настолько древний и универсальный, что его вариации присутствуют в любой культуре, вне зависимости от языка, национальности или вероисповедания. В соответствии с теорией К.Г. Юнга, архетипы представляют собой исходные общечеловеческие символы и мотивы, хранящиеся в коллективном бессознательном [27]. Архетип матери является одним из древнейших и определяет базовую структуру женской идентичности. Однако его необходимо рассматривать не как однозначно позитивный образ, а как глубоко амбивалентную структуру коллективного бессознательного, включающую в себя как созидательные, так и деструктивные аспекты. К.Г. Юнг подчеркивал, что материнский архетип воплощает не только принцип рождения, заботы и защиты, но и силы поглощения, контроля и лишения автономии. Это

подтверждает и Дж. Рейнгольд [13]. В его концепции в качестве центральной аналитической мишени – феномен базисной тревоги, формирующийся у ребенка в результате враждебных и бессознательных переживаний матери по отношению к нему. По мнению автора, восприятие материнской враждебности возможно уже на внутриутробном этапе развития. Переживание подобного опыта становится в последующем основанием для формирования так называемого «комплекса смерти», который может актуализироваться как до наступления беременности, так и в процессе ее, проявляясь в форме соматических осложнений. Помимо этого, он может проявляться в фантазиях о ребенке как об инородном и угрожающем объекте, ассоциирующимся с нарушением телесной целостности или смерти [13].

Созидающий аспект архетипа матери символически связан с плодородием, поддержанием жизни, эмоциональной теплотой и принятием. В культурных традициях он находит отражение в образах кормящей матери, хранительницы рода и продолжательницы жизни. В рамках этого символического поля материнство выступает как высшая форма женской реализации, а способность к деторождению – как подтверждение полноценности женской природы. Однако редукция архетипа и восприятие исключительно его светлой стороны скрывает другую, не менее значимую часть данного образа.

Деструктивный аспект архетипа матери проявляется в мотивах поглощения, утраты границ и подавления индивидуальности. В мифологических и символических системах он представлен образами всепоглощающей, контролирующей или наказывающей матери, лишаящей субъекта автономии и субъектности. К примеру, в западной традиции формируется дихотомия архетипа матери на Еву и Лилит, в которой Ева воплощает в себе созидательную часть материнского образа, а Лилит – демонизированный, связанный с отказом от материнской функции и одновременно угрозой младенческой жизни [20]. На уровне индивидуального сознания данный аспект может актуализироваться как бессознательный страх утраты личной свободы, растворения индивидуального

«Я» в материнской роли и подчинения тотальным ожиданиям, закрепленным в культурной норме.

Амбивалентность архетипа матери приобретает особую значимость в таких социокультурных условиях, где материнство не просто поощряется, но институционально и морально предписывается женщине как обязательный жизненный сценарий. В этих условиях архетип матери утрачивает символическую гибкость и превращается в нормативное требование, усиливающее давление на женскую психику. Женщина оказывается в ситуации внутреннего конфликта между архетипическим призывом к материнству и потребностью в сохранении автономии, профессиональной самореализации и личных границ. С точки зрения аналитической психологии, невозможность интеграции амбивалентных аспектов архетипа матери может приводить к формированию бессознательного сопротивления материнской роли. Это сопротивление не всегда осознается и редко принимает форму открытого отказа от материнства. Гораздо чаще оно выражается в косвенных, соматизированных формах, в том числе в виде психогенных репродуктивных нарушений. В этом контексте бесплодие может рассматриваться не как отрицание материнства, а как символический компромисс между внутренним конфликтом и внешним социальным требованием.

Объяснение психогенного бесплодия исключительно через призму коллективного бессознательного представляется методологически недостаточным. Наряду с архетипическими структурами значимую роль играют процессы индивидуального бессознательного, формирующиеся в контексте личного опыта и межличностных отношений. Именно на этом уровне разворачиваются конкретные психодинамические конфликты, связанные с переживанием материнства, женской идентичности и телесности, что делает необходимым обращение к теориям, учитывающим индивидуально-психологическую динамику. В этом аспекте полезно обратиться к исследованиям К. Хорни. Предложенная ею теория культурных норм позволяет

глубже понять механизмы формирования негативных переживаний женщин, сталкивающихся с проблемой бесплодия [25].

Прежде всего социальные нормы опосредуют переживание сексуальности и интимных отношений. К. Хорни указывала, что восприятие сексуальной близости как унижения имеет культурное происхождение: «в викторианскую эпоху для женщины было культурно обусловленным шаблоном ощущать половые сношения как унижение» [26, с. 129]. Эта установка могла вызывать фригидность и избегание мужчин, даже при наличии стремления к близости, что фактически блокирует возможность реализации репродуктивной функции. Таким образом, К. Хорни подчеркивала первичность социокультурного фактора в генезисе невротических переживаний. С ее точки зрения, одной из возможных причин внутриличностного конфликта является фундаментальное противоречие между стремлением к автономии, самостоятельности и самореализации и тенденцией к зависимости и безопасности.

Современный уклад общественных и правовых отношений существенно расширил возможности женской автономии, но не позволил элиминировать глубинные коллизии, определяющие ядро женской идентичности. В подтверждение вышесказанного можно обратиться к исследованию И.С. Якиманской и О.С. Карымовой, которые в своей статье говорят следующее: 70 % женщин, состоящих на учете по бесплодию за последние пять лет, получили повышение в должности или у них наметился скачок по карьерной лестнице. В то время как рожавшие женщины в 50 % случаев имеют стабильную работу, но у них нет заметных карьерных изменений за последние пять лет [21].

В условиях культуры позднего модернизма женщина сталкивается с нормативным требованием успешности, включающим ориентацию на профессиональную самореализацию, финансовую независимость и социальную активность. При этом успешность конструируется как обязательный показатель социально-психологической полноценности женщины и в пределе

трансформируется в форму косвенного социального принуждения, подкрепленного механизмами сравнения, оценки и символического признания.

Одновременно с этим сохраняется тревожное ожидание обязательной реализации материнской роли, воспринимаемой как истинный итог жизненного пути женщины. Таким образом, женщина оказывается в парадоксальной ситуации, при которой ей нужно быть автономной, не утратив при этом готовности к материнству. В интерпретации К. Хорни подобный парадокс и является психодинамическим основанием для внутриличностного конфликта, при котором автономия и зависимость от «другого» становятся взаимоисключающими позициями. Автономия может восприниматься как угроза материнской идентичности, а материнство – как отказ от профессиональной успешности в угоду заботе о ребенке. Формируется своеобразная «ловушка», при которой любой выбор будет сопровождаться чувством вины, тревоги или утраты.

Психодинамика данного конфликта зачастую сопровождается расщеплением мотивационной сферы, когда декларируемые желания не совпадают с бессознательными установками. Женщина может осознанно стремиться к материнству и одновременно испытывать скрытый страх утраты автономии или социального статуса. Подобный схизис может выступать как один из факторов, препятствующих реализации репродуктивной функции. В таком случае бесплодие выполняет адаптивную функцию, позволяя избежать однозначного выбора между профессиональной самореализацией и материнством. Оно выступает как временная стабилизация конфликта.

Особую роль в поддержании конфликта автономии и зависимости играет структура Сверх-Я, формирующаяся под воздействием социально-культурных норм и ожиданий, направленных на женскую роль [18]. Женское Сверх-Я бывает перегружено противоречивыми интроектами. С одной стороны, установка на автономию и социальную успешность, с другой – безусловное материнство и отказ от собственных потребностей в пользу ребенка. Вместо интегрированной

системы ценностей возникает комплекс амбивалентных интроектов. В результате Сверх-Я приобретает карательный характер, порождая чувство вины независимо от выбранной жизненной стратегии.

Таким образом, с точки зрения символического взгляда на психосоматику, психогенное бесплодие представляет собой не «сбой» репродуктивной системы, а специфическую форму телесного высказывания, посредством которой психика артикулирует противоречивые желания и запреты. Тело становится пространством компромисса, в котором одновременно удерживаются стремление к материнству и бессознательное сопротивление ему. Такая форма «отелесненной» символизации позволяет женщине избежать прямой конфронтации с внутренним конфликтом, сохраняя при этом внешнее соответствие социальным ожиданиям.

Обращение к семиотическому подходу Ю.М. Лотмана позволяет укрепиться в понимании женского тела как особого культурного текста, организованного вокруг ключевых кодов и значений. Одним из таких центральных кодов выступает материнство, обеспечивающее принадлежность женщины к ядру семиосферы культуры. В рамках семиотической концепции Ю.М. Лотмана семиосфера понимается как целостное знаковое пространство культуры, внутри которого осуществляются производство, циркуляция и интерпретация смыслов. Она включает в себя совокупность взаимосвязанных текстов, кодов и символических структур, задающих границы возможных значений и определяющих способы понимания и социальной коммуникации [9]. В этом контексте женское тело, осмысленное как текст, может рассматриваться как элемент семиосферы, на котором фиксируются культурные коды, связанные с материнством, женственностью и репродуктивной нормой. Таким образом, репродуктивная функция приобретает статус не только биологический, но и знаковой структуры, подтверждающей соответствие культурным ожиданиям.

Такой статус репродуктивной функции формирует особый режим социального наблюдения, при котором тело женщины оказывается постоянно

включенным в систему внешних ожиданий и оценок. Социальное окружение, медицинские институты, семейные структуры и культурные дискурсы участвуют в формировании представлений о том, когда и каким образом женщина «должна» реализовать материнство. В рамках этого режима внимание направлено не только на сам факт беременности и рождения ребенка, но и на возраст женщины, состояние ее репродуктивного здоровья, способность к зачатию и успешному вынашиванию. С этой точки зрения бесплодие может быть интерпретировано как нарушение базового культурного кода, своего рода «семиотическая катастрофа», при которой тело утрачивает способность производить главный социально значимый текст – ребенка.

Женское тело оказывается включено в систему того, что М. Фуко описывал как механизмы дисциплинарной власти и биополитического регулирования [19]. Анализируя формы социального контроля над телом, М. Фуко показывает, что общество выработало своеобразные практики наблюдения и нормирования жизненных процессов индивида. Тело человека – это уже не биологическая данность, а объект институционального вмешательства и дискурсивного конструирования. Репродуктивная сфера оказывается одной из ключевых областей, в которой пересекаются медицинский, культурный и социальный дискурсы. В рамках биополитической логики тело женщины представляет особое значение для общества, поскольку является носителем репродуктивного потенциала. Поэтому репродуктивные процессы и материнское поведение становятся предметом систематического мониторинга. Медицинские практики, демографическая политика, социальные нормы конструируют образ «правильного» материнства, а женское тело подвергается постоянной оценке и контролю. С позиции М. Фуко, подобный контроль действует не через прямые формы принуждения, а скрыто, через социальные нормы, усвоенные субъектом и ставшие его установками. В настоящий момент развитие вспомогательных репродуктивных технологий увеличивает шанс беременности, но вместе с тем усиливает институциональное присутствие медицины в сфере интимной

телесности, превращая репродуктивную функцию в объект постоянного мониторинга. В результате медицинский дискурс, с одной стороны, способствует рационализации и технологизации процессов зачатия и деторождения, а с другой – усиливает контроль над телом женщины, переводя его в пространство нормативных показателей, протоколов и стандартов. В условиях такого дискурсивного контроля тело женщины утрачивает статус автономного субъекта и превращается в носитель функции, подлежащей оптимизации и коррекции. Неспособность к зачатию интерпретируется как «сбой физиологической системы», требующий вмешательства, тогда как аффективно-смысловые аспекты репродуктивного опыта женщины не подвергаются обстоятельной вербализации и рефлексии.

Вышесказанное хорошо объясняют труды Л.С. Выготского. Согласно культурно-исторической психологии, высшие психические функции, такие как произвольное внимание, речь, мышление, чувства, не являются врожденными или сугубо биологическими, а формируются прижизненно через интериоризацию знаковых систем и культурных орудий. Человек овладевает своим поведением и внутренним миром опосредованно, через культурные артефакты – язык, символы, социальные нормы [4]. Важно понимать, что этот тезис Л.С. Выготского применим не только к когнитивным процессам, но и к переживанию собственного тела. Телесные ощущения, восприятие здоровья, болезни, репродуктивной функции не даны человеку в «чистом» натуральном виде – они всегда уже означены и оценены через призму усвоенных культурных значений. Именно это различие между «натуральным» и «культурным» телом последовательно развивал А.Ш. Тхостов в психологии телесности. Культурное тело, согласно его взглядам, является результатом «вращения» внешних социальных нормативов во внутреннюю картину телесного опыта. Женщина не просто ощущает свои репродуктивные процессы, она воспринимает и переживает их сквозь призму культурных предписаний о «правильном» возрасте для беременности, о долге матери, о ценности плодотворности [15].

Таким образом, психогенное бесплодие – это не только сбой физиологической функции, но и кризис культурного тела: разрыв между тем, каким тело «должно быть» по нормативу (способным к зачатию), и тем, каким оно переживается (бесплодным). Этот разрыв порождает глубокие переживания стыда, неполноценности и утраты идентичности, которые часто недооцениваются при чисто медицинском подходе.

В этом контексте сам процесс медицинского сопровождения репродуктивной сферы способен становиться источником вторичной психологической травматизации. Регулярные обследования, диагностические процедуры и необходимость многократного подтверждения репродуктивной «несостоятельности» могут усиливать внутренний конфликт между культурным ожиданием материнства и субъективным переживанием собственного телесного опыта. Женщина оказывается в ситуации, когда ее тело становится объектом постоянного наблюдения, оценки и профессиональной интерпретации, что может приводить к ощущению утраты контроля над собственной телесностью.

Примат медицинского дискурса в регулировании репродуктивной сферы способствует закреплению своеобразного раскола между физиологическим и культурным измерениями телесного опыта женщины. С одной стороны, тело рассматривается как биологическая система, подлежащая диагностике и лечению; с другой – оно продолжает нести символическую нагрузку, связанную с социальными ожиданиями материнства, женской успешности и жизненной реализации. Игнорирование этой двойственности может приводить к тому, что медицинские практики, направленные на преодоление репродуктивных трудностей, невольно усиливают психологическое давление и внутреннюю стигматизацию.

Иными словами, тело можно понимать, как «сцену», на которой разыгрывается драматургия женских переживаний. На уровне телесных реакций, симптомов и соматизации проявляются не только физиологическое состояние, но и смысловые пласты внутреннего опыта – страхи, запреты, культурные

ожидания, родовые сценарии и архетипические образы. Психика, не располагая иными средствами экспрессии внутреннего конфликта, использует телесные реакции как доступный канал символизации. Не нашедшие аутентичного выражения переживания, вытесненные чувства, амбивалентные желания и противоречивые ожидания, не получив вербализации на уровне сознательного опыта, переводятся в соматический план: напряжение, дисфункцию, блокирование или изменение репродуктивной функции. Тело женщины «берет на себя» драматургию психического конфликта, потому что выполняет роль медиатора между субъективным и объективным измерениями. На уровне физиологии формируются реальные процессы (гормональные сдвиги, спазмы, дисфункции), но их траектория и интенсивность определяются глубинной эмоционально-смысловой и символической логикой. Иначе говоря, телесная сцена позволяет «проиграть» то, что невозможно осмыслить и проговорить, а симптом становится формой аутокоммуникации. Поэтому тело выступает как регистр, где бессознательные смыслы получают форму, а внутренний конфликт – действие, пусть и в соматизированном виде. В этом заключается принципиальная клинико-психологическая значимость телесных выражений: репродуктивная система выступает средством выражения бессознательных конфликтов, связанных с женственностью, материнством и в целом с женской идентичностью [11].

Проведенный теоретический анализ позволил реконструировать сложный комплекс социокультурных, архетипических и индивидуально-психологических факторов, формирующих отношение к женскому бесплодию, и обосновать его понимание как феномена телесной символизации внутреннего конфликта. Полученные результаты можно структурировать следующим образом.

Во-первых, раскрыта амбивалентность архетипа Матери как источника психического напряжения. В рамках аналитической психологии выявлено, что в основе этого нормативного давления лежит не только социальный контроль, но и активация архетипа Матери, который имеет и созидательный (забота,

плодородие), и выраженный деструктивный полюс (поглощение, лишение автономии) [27]. Результатом становится бессознательный конфликт, при котором призыв к материнству может одновременно переживаться женщиной как угроза растворения собственного «Я», что создает предпосылку для соматизации этого конфликта.

Во-вторых, выявлены предпосылки для возникновения у женщины внутриличностного конфликта «автономия – зависимость» в условиях нормативного «двойного послания». Опираясь на взгляды К. Хорни, удалось конкретизировать механизм этого конфликта применительно к идентичности современной женщины, подвергающейся интервенциям амбивалентных социальных установок и маркеров полноценности. Формирующееся под этим давлением сверх-Я инкорпорирует противоречивые интроекты, что делает любой жизненный выбор (карьера или материнство) потенциальным источником чувства вины и невротической тревоги.

В-третьих, проведена концептуализация феномена психогенного бесплодия как телесного симптома. Ключевым результатом синтеза психоаналитических, семиотических и культурно-исторических подходов является обоснование тезиса о том, что идиопатическое (психогенное) бесплодие – это не дисфункция, а специфическая форма телесной символизации неразрешенного внутриличностного конфликта. Телесный симптом выполняет адаптивную функцию «компромисса», позволяя временно стабилизировать конфликт между взаимоисключающими требованиями автономии и зависимости, откладывая необратимый жизненный выбор [11].

Синтез идей Ю.М. Лотмана и М. Фуко позволяет осмыслить женское тело как «культурный текст», подвергающийся биополитическому контролю, и способствует углублению в понимание генеза идиопатического бесплодия. Было установлено, что женское тело функционирует не только как биологический объект, но и как элемент семиосферы (Ю.М. Лотман), на котором общество фиксирует культурные коды материнства [9]. В рамках биополитического

дискурса (М. Фуко) репродуктивная способность становится объектом дисциплинарного надзора и медикализации [19; 16].

В этом совмещенном контексте бесплодие может быть понято как «семиотическая катастрофа» – неспособность тела произвести социально значимый текст – ребенка, что усиливает внутреннюю стигматизацию и переживание женщиной «неполноценности» своего культурного тела, не соответствующего нормативным предписаниям.

Совокупность полученных теоретических результатов свидетельствует о принципиальной недостаточности сугубо соматоцентрических моделей бесплодия. Выявленный «раскол» между физиологическим («натуральным») и культурным телом женщины (А.Ш. Тхостов) [15] лежит в основе вторичной психологической травматизации, нередко индуцируемой самой медицинской системой при игнорировании ею смыслового и символического измерения репродуктивного опыта.

Заключение

В результате проведенного анализа становится очевидной необходимость пересмотра сугубо психофизиологического понимания феномена идиопатического бесплодия. Полученные результаты обосновывают необходимость интеграции в медицинские протоколы лечения бесплодия специализированного психологического сопровождения, направленного не на «исправление» симптома, а на интеграцию конфликта, рефлекссию культурных и семейных предписаний и восстановление целостности женской идентичности. Для преодоления крайних редуccionистских установок необходимо включить этот феномен в более целостный, холистический контекст осмысления. В качестве оптимальной теоретико-методологической платформы для построения такой аналитической оптики может выступить системная антропологическая психология (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов) [7], в контексте которой может быть снято противоречие между психофизиологическим, психоаналитическим и культурно-семиотическим

контекстами понимания телесности женщины при объяснении психогенных сбоев в осуществлении ею фертильной функции. Интеграция соответствующего подхода с психологическим сопровождением в медицинскую практику позволяет ослабить напряжение между биологическим и символическим измерениями репродуктивного опыта женщины, создать условия для более целостного понимания ситуации бесплодия, связанных с ней переживаний, а также выработать стратегии совладания и преодоления.

Список источников

1. Брутман В. И., Родионова М. С. Психологические особенности женщин с психогенным бесплодием // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 45–55.
2. Брутман В. И., Филиппова Г. Г. Современные подходы к психологии материнства и репродуктивной сферы // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 34–45.
3. Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. Москва : Статистика, 1977. С. 105–127.
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. Москва : Смысл, 2005. 512 с.
5. Ицкович М. М., Полякова И. Г., Сыманюк Э. Э. Эффективность психокоррекционного воздействия методами имажинативной психотерапии при идиопатическом бесплодии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 214–232.
6. Камзина О. А. Психосемантическое исследование образа матери у молодых матерей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 75–88. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-75-88
7. Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
8. Куликов Л. В., Малёнова А. Ю., Потапова Ю. В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167. DOI: 10.11621/vsp.2020.04.07
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Мицюк Н. А. Конструирование «идеальной матери»: концепция материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 23–32.
11. Мордас Е. С. Психологическая природа женского психогенного бесплодия: психоаналитические размышления // Психолог. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.1.39567
12. Реан А. А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2(26). С. 85–91.
13. Рейнгольд Дж. С. Мать, тревога и смерть: комплекс трагической смерти / пер. с англ. Москва : Изд-во Московского психолого-социального университета, 2017. 349 с.
14. Стазаева А. А. Между психическим и биологическим: анализ возможных причин ненаступления беременности у женщин фертильного возраста // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2024. Т. 5. № 3. С. 89–118.
15. Тхостов А. Ш. Психология телесности. Москва : Смысл, 2002. 287 с.

16. Тювина Н. А., Морозова В. Д., Николаевская А. О., Ильченко К. Н. Особенности эмоционального реагирования у женщин с первичным бесплодием // Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего образования: интеграция науки и практики. Материалы IX научно-практической конференции, Хабаровск, 25 ноября 2021 года. Хабаровск : Дальневосточный государственный медицинский университет. 2022. С. 64–71.
17. Филиппова Г. Г. Психология материнства: концептуальная модель. Москва : Изд-во Института психотерапии, 2024. 416 с.
18. Фрейд З. Я и Оно. Москва : АСТ, 2020. 288 с.
19. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 гг. / пер. с фр. А. В. Дьякова. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 448 с.
20. Хевайц З. [и др.]. Книга Лилит. Санкт-Петербург : Велигор, 2011. 320 с.
21. Якиманская И. С., Карымова О. С. Некоторые психологические особенности репродуктивной установки рожавших женщин и женщин, состоявших на учете по бесплодию // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 12. С. 185–190.
22. Badinter E. The conflict: how modern motherhood undermines the status of women. New York : Metropolitan books, 2011. 240 p.
23. Bowlby J. Attachment and loss. Vol. 1. New York : Basic Books, 1969. 428 p.
24. Braverman A. M., Davoudian T., Levin I. K. et al. Depression, anxiety, quality of life, and infertility: a global lens on the last decade of research // Fertility and sterility. 2024. Vol. 121. No. 3. P. 379–383.
25. Horney K. Feminine psychology. New York : W.W. Norton & Company, 1967. 256 p.
26. Horney K. The Neurotic personality of our time. New York: W.W. Norton & Company, 1937. 284 p.
27. Jung C. G. Consciousness and the unconscious. Princeton: Princeton university press, 1976. 144 p.
28. Lorenz K. On aggression. London: Routledge, 2002. 306 p.

References

1. Brutman V.I., Rodionova M.S. Psihologicheskie osobennosti zhenshchin s psihogennym besplodiem [Psychological characteristics of women with psychogenic infertility]. *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2023, vol. 44, no. 5, pp. 45–55. (In Russ.).
2. Brutman V.I., Filippova G.G. Sovremennye podhody k psihologii materinstva i reproductivnoj sfery Psihologicheskij zhurnal [Modern approaches to the psychology of motherhood and the reproductive sphere]. *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2023, vol. 44, no. 2, pp. 34–45. (In Russ.).
3. Vishnevsky A.G. *Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaemosti v Rossii* [Early stages of the formation of a new type of fertility in Russia]. In: Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR [Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR]. Ed. A.G. Vishnevsky. Moscow: Statistika Publ., 1977, pp. 105–127. (In Russ.).
4. Vygotsky L.S. *Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funkcij* [History of the Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Smysl Publ., 2005, 512 p. (In Russ.).
5. Itskovich M.M., Polyakova I.G., Symanyuk E.E. Effektivnost' psihokorrekcionnogo vozdejstviya metodami imaginativnoj psihoterapii pri idiopaticheskom besplodii [The effectiveness of psychocorrectional intervention using imaginative psychotherapy methods in idiopathic infertility]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. 2024, vol. 17, no. 1, pp. 214–232. (In Russ.).
6. Kamzina O.A. A Psihosemanticheskoe issledovanie obraza materi u molodyh materej [Psychosemantic study of the mother image in young mothers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow state regional university. Series: psychological sciences]. 2022, no. 4, pp. 75–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-4-75-88>

7. Klochko V.E., Galazhinsky E.V., Krasnoryadtseva O.M., Lukyanov O.V. Sistemnaya antropologicheskaya psihologiya: ponyatijnyj apparat [Systemic anthropological psychology: conceptual framework]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. 2015, no. 56, pp. 9–20. (In Russ.).
8. Kulikov L.V., Malyonova A.Yu., Potapova Yu.V. Sub"ektivnaya kartina materinstva v rossijskikh i zarubezhnyh issledovaniyah [Subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow university psychology bulletin], 2020, no. 4, pp. 135–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.07>
9. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russ.).
10. Mitsyuk N.A. Konstruirovaniye «ideal'noj materi»: koncepciya materinstva v rossijskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the "ideal mother": the concept of motherhood in Russian society at the beginning of the 20th century]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The journal of social policy studies]. 2014, vol. 12, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).
11. Mordas E.S. Psihologicheskaya priroda zhenskogo psihogenogo besplodiya: psihoanaliticheskie razmyshleniya [The psychological nature of female psychogenic infertility: psychoanalytic reflections]. *Psikholog* [Psychologist]. 2024, no. 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2024.1.39567>
12. Rean A.A. Vospriyatie materi: obshchie tendencii i genderno-social'nye osobennosti. [Perception of mother: general tendencies and gender-social features]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 2017, no. 2(26), pp. 85–91. (In Russ.).
13. Rheingold J.S. *Mat', trevoga i smert': kompleks tragicheskoy smerti* [Mother, anxiety and death: the complex of tragic death]. Transl. from english. Moscow: Moscow psychological and social university publ., 2017, 349 p. (In Russ.).
14. Stazaeva A.A. Mezhdru psihicheskim i biologicheskim: analiz vozmozhnyh prichin nenastupleniya beremennosti u zhenshchin fertil'nogo vozrasta [Between the psychic and the biological: an analysis of possible causes of non-occurrence of pregnancy in women of fertile age]. *Zhurnal klinicheskogo i prikladnogo psikhoanaliza* [Journal of clinical and applied psychoanalysis]. 2024, vol. 5, no. 3, pp. 89–118. (In Russ.).
15. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl publ., 2002, 287 p. (In Russ.).
16. Tyuvina N.A., Morozova V.D., Nikolaevskaya A.O., Ilchenko K.N. Osobennosti emocional'nogo reagirovaniya u zhenshchin s pervichnym besplodiem [Features of emotional response in women with primary infertility]. *Aktual'nye problemy psikhologo-pedagogicheskogo i mediko-sotsial'nogo soprovozhdeniya vysshego obrazovaniya: integratsiya nauki i praktiki: materialy IX nauchno-prakticheskoy konferencii, Habarovsk, 25 noyabrya 2021 goda* [Current problems of psychological, pedagogical and medico-social support of higher education: integration of science and practice: proceedings of the IX scientific and practical conference, Khabarovsk, November 25, 2021]. Habarovsk: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj medicinskij universitet. 2022, pp. 64–71. (In Russ.).
17. Filippova G.G. *Psikhologiya materinstva: konceptual'naya model'* [Psychology of motherhood: a conceptual model]. Moscow: Institute of psychotherapy publ., 2024, 416 p. (In Russ.).
18. Freud S. *Ya i Ono*. [The Ego and the Id]. Moscow: AST publ., 2020, 288 p. (In Russ.).
19. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 gg.* [The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Transl. from French by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka publ., 2010, 448 p. (In Russ.).
20. Khevaits Z. [et al]. *Kniga Lilit*. [The Book of Lilith]. St. Petersburg: Veligor publ., 2011, 320 p. (In Russ.).
21. Yakimanskaya I.S., Karymova O.S. Nekotorye psihologicheskie osobennosti reproduktivnoj ustanovki rozhavshih zhenshchin i zhenshchin, sostoyavshih na uchete po besplodiyu [Some

psychological features of the reproductive attitude of women who have given birth and women registered for infertility]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state university]. 2005, no. 12, pp. 185–190. (In Russ.).

22. Badinter E. *The conflict: how modern motherhood undermines the status of women*. New York : Metropolitan books, 2011, 240 p.

23. Bowlby J. *Attachment and loss*. Vol. 1. New York : Basic Books, 1969. 428 p.

24. Braverman A.M., Davoudian T., Levin I.K. et al. Depression, anxiety, quality of life, and infertility: a global lens on the last decade of research // *Fertility and sterility*. 2024, vol. 121, no. 3, pp. 379–383.

25. Horney K. *Feminine psychology*. New York: W.W. Norton & Company, 1967, 256 p.

26. Horney K. *The Neurotic personality of our time*. New York: W.W. Norton & Company, 1937, 284 p.

27. Jung C.G. *Consciousness and the unconscious*. Princeton: Princeton university press, 1976, 144 p.

28. Lorenz K. *On aggression*. London: Routledge, 2002, 306 p.